Молодая Мисс-тократ

Было только так много унижений, которые она могла вытерпеть. Наверняка в какой-то момент кошмар должен был закончиться.

— Опять отсутствует, — заметил Кастор. Её брат, младше её на год, полулежал на кушетке слева от неё и хмурился, перекатывая между пальцами оливку. — Он действительно бесстыжий.

— Я каждый раз тебе это говорю, — сказал Херон, сидя на своей кушетке напротив стола. — Он потерял то немногое здравомыслие, что у него было, когда появился этот раб, и со временем это становится только хуже. Лио скорее будет проводить время с мусором, чем с нами – его собственной семьёй. — Его взгляд был таким же густым, как и оливковое масло на её коже. Его мотивы были очевидны как никогда. Так бестактно.

— Это слишком резко, — сказал Мирон, помешивая кусок хлеба в духовном вине. Его старший брат резко взглянул на него, но тот мятежно посмотрел в ответ. С тех пор как он преодолел свой блок в культивации несколько недель назад, поднявшись на тот же седьмой ранг, который в настоящее время занимал Херон, он стал намного смелее во время их ночных ужинов. Хотя, возможно, в этом виновато не только его культивирование.

— Какая разница, если он ест в другом месте? Не то чтобы кто-то из вас старался пригласить его. Кроме того, мне нравится Солус...

— Не!

Рот Мирона рефлекторно сомкнулся, и хотя он пытался скрыть это за надутыми губами, его руки дрожали от тяжести её пневмы, давившей на него. Он мог быть почти беспрецедентным гением для своего возраста, но он всё же был всего лишь мальчишкой.

И хотя его культивирование соответствовало уровню его старшего брата, оно совсем не соответствовало её.

— Не произноси это имя в этой комнате, — сказала она. Её голос не терпел возражений. Она дождалась его угрюмого кивка и только тогда отпустила свою пневму. Безумие. Даже сюда оно просачивалось.

Для трёх столпов Культа Розовой Зари уже давно стало традицией обедать вместе, и то же самое было для их детей. Сколько она себя помнила, молодые столпы Розовой Зари ужинали вместе в отдельной комнате, отдельно от других посвящённых. Она служила оазисом вдали от толпы, укреплением их положения над ней. Они были молодыми аристократами Розовой Зари, элитой среди элит, и со временем они станут теми, кто будет держать солнце в своих восходящих ладонях.

Какие бы испытания ни принёс день, она всегда могла с нетерпением ждать ночи со своей семьёй. Это было время и место, где она могла полностью расслабиться и предаться мелочам. Таким, как дразнить её младшего брата и сестру, обмениваться беседами с её кузенами и флиртовать с её женихом. Да, хоть ей всего недавно исполнилось пятнадцать лет, она знала своего жениха всю свою жизнь.

Лидия Этос была обещана Лио Этосу с момента её рождения.

И теперь, когда до обещанной даты их свадьбы оставалось меньше года, он отдалялся от неё. От всех них, на самом деле. Мальчик с дикой ухмылкой и неудержимой жизненной силой, которые так очаровали её, когда они были детьми, постепенно менялся с годами, и каждый из младших столпов был вынужден вжиться в роли, которые были определены для них их отцами.

Дикая ухмылка потускнела, сменившись львиной ухмылкой, которая гармонировала с его гривой светлых волос и рокочущим голосом. Его безграничная энергия и ненасытное любопытство постепенно уступили место ленивой грации хищника, который знал своё место в своих владениях. Это проявлялось в том, как он разговаривал с ними – со всеми из них, а не только с не имеющими к ним отношения посвящёнными. Это проявлялось в его действиях, в легкомыслие, с которым он относился к темам, которые в прошлом требовали его полного внимания. Эти изменения сами по себе не были непривлекательными, в её непредвзятых глазах, но они были всего лишь симптомами более серьёзной проблемы.

Лио Этос годами расхаживал по Культу Розовой Зари как по клетке. Наблюдая, ожидая. Все эти годы она безрезультатно размышляла о том, чего он ожидает, что она может сделать, чтобы удовлетворить его. Чтобы оживить его и вернуть это волнение в его глаза.

Она до сих пор не знает, чего именно он ждал. Что она знала, так это то, что он нашёл это в рабе.

— Возможно, Мирон прав.

Лидия в смятении повернулась к своей младшей сестре.

— И ты, Рена?

Рена Этос вздрогнула, глядя в свою чашку. Она провела кончиком тонкого пальца по её краю: «Я не думаю, что Лио не любит нас. Думаю, он просто не понимает, как сильно мы скучаем по его компании. — Херон насмешливо хмыкнул на это, а Кастор усмехнулся, но она продолжала. — Если бы мы пригласили его присоединиться к нам, я уверена, что он бы пришёл».

— Он бы точно пришёл! — Мирон сразу согласился.

Лидия яростно нахмурилась. Было абсурдно, что им вообще нужно было спрашивать. Семья была семьёй, разве не так? Она была его будущей женой, разве не так? То, что они будут искать компанию друг друга, должно было быть само собой разумеющимся.

И тем не менее, она всё равно проглотила свою гордость. Когда дело дошло до Лио, она была действительно безнадёжна.

— Ладно, — вздохнула она, взяла виноградную гроздь со стола и уселась обратно в кушетку. — Завтра, я отправлю ему приглашение.

Завтра наступило вместе со всеми его унижениями.

Лидия шла по горным вершинам в сопровождении свиты самых многообещающих молодых женщин культа. Среди девушек царила заряженная, возбуждённое настроение, и не зря – сезон сбора урожая подходил к концу, и Розовая Заря начала обращать своё внимание на процессы ежегодной инициации культа.

Обряды инициации Розовой Зари были традицией, которая восходит к зарождению культа, когда его основатель встал, чтобы встретить первую зарю и передал свои добродетели своим детям и своим братьям по оружию, пил духовное вино из той же чашки, что и они и созерцал великие тайны восходящего солнца. Каждый последующий год новая кровь поднималась на восточные горные хребты Алого Города и отдавали себя Розовой Заре, ища просветления в одной из величайших тайн жизни и членства в самой сильной группе культиваторов в регионе.

Помимо приёма новых членов, это был также метод для нынешних мистиков поднять своё положение в культе и побороться за шанс быть отправленным на Турнир Дневного Света на Алом Стадионе в конце лета. Естественно, именно это больше всего волновало нынешних посвящённых.

В это время гимнасии были переполнены нетерпеливыми мужчинами и женщинами, надеющимися в последний раз продвинуться в своём культивирование перед обрядами, факелы горели в библиотеках культа до поздней ночи, а горные поместья изобиловали семьями из города, надеющимися завоевать место в реестре для своих детей.

Лидия махнула рукой, останавливая своих товарищей посвящённых, и сама двинулась вперёд, ловко шагая по опасным скальным выступам и прокладывая путь, по которому за многие годы прошли лишь немногие.

Всегда нужно было что-то сделать, будь ты рабом или уважаемым старшим философом. Даже она изо всех сил пыталась ускользнуть от своих обязанностей, чтобы разыскать своего жениха и пригласить его на ужин.

Ещё более досадно было найти его здесь, бездельничающего в депрессивном углублении, вырезанном на склоне горы вручную так, чтобы можно было укрыться в тени, глядя на Аликос во всей его красе. Она знала, что найдёт его в этом месте, несмотря на его изолированность от остального поместья, по простой причине. Они вырезали его вместе, все кузены, много лет назад. Это было тайное место, где они собирались днём, когда им не терпелось дождаться обеда.

Теперь он поделился им с рабом.

Её кровь закипела. Это было оскорбление, которого её добродетельное сердце не потерпит.

— Лио, — сказала она обманчиво мягким голосом. — Ты что делаешь?

— Кузина, — поздоровался он, подняв на неё глаза. Обычно её сердце бешено колотилось, когда он смотрел на неё своими алыми глазами, так резко контрастировавшими с небесно-голубыми, что были у остальных членов семьи. Но не сейчас. Она была слишком разъярена, чтобы быть поражённой.

— Как ты смеешь осквернять это место этим мусором? — Она ткнула пальцем в раба.

Мусор даже не признал её. Он сидел рядом с её женихом, скрестив ноги, спиной к горе, и его несчастные глаза были закрыты. Он выглядел так как будто не слышал её, не чувствовал, как её пневма хлещет вниз и пытается вырвать жизнь из его проклятой шеи как только она его

увидела.

— Это суждение вряд ли справедливо, — упрекнул её Лио. Его глаза блестели от веселья. — Он даже не представился. Давай раб. Поздоровайся с моей кузиной.

— Ещё одной? — спросил раб, всё ещё с закрытыми глазами. Он открыл серые глаза, нейтрально глядя на неё. — Меня зовут Солус. Как я могу служить юной госпоже?

— Ты можешь сдохнуть, — прошипела она.

— Как пожелаешь.

Перед её неверящими глазами он встал и пошёл к краю ниши.

— Стоять, — скомандовал Грифон, протягивая руку и хватая пригоршню рваной туники раба. Он отдёрнул его от края. — Бесполезный Римлянин. Никто не считает тебя забавным.

Римлянин?

— Если хочешь знать, — сказал он ей, — мы созерцали небесную тайну.

Это была обычная форма медитации внутри культа, которую, как говорят, часто практиковал сам Дэймон Этос. Солнце только что спустилось из зенита, всё ещё ярко золотое. Вид на него из ниши был захватывающим.

— Почему раб созерцает тайны, когда есть работа, которую нужно сделать? — спросила она.

Раб кивнул, глаза снова закрылись, когда он возобновил медитацию: «Я согласен».

Наглость этого человека: «Я спрашивала твоё мнение, раб?»

— Нет, — сказал он. — Но ты получила его.

— Хаа?

Истощённое терпение Лидии Этос наконец лопнуло. Ей надоел собачий лай.

Она вытянула розовую ладонь, её пневма осветила нишу своим ужасным великолепием, когда её техника перешла от её добродетельного сердца к кончикам пальцев. Она сама положит этому конец. Что-то в этом рабе ослепило её кузена, но она поможет ему увидеть. Он должен быть рядом с ней, он должен быть со своей семьёй, а не здесь, на их старом месте, с этим жалким, проклятым…

Грифон схватил её за запястье и крепко прижал к своей груди. Её божественная техника зашипела и умерла в её руке. Она поймала себя на том, что смотрит в любопытные алые глаза, не в силах дышать.

— Почему ты здесь, Лидия? — спросил он её. О. Точно.

— Ты придёшь сегодня на ужин? — спросила она тихим голосом.

— Конечно, — засмеялся он, и она снова влюбилась. — Мы придём.

Ярость.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3093148